

Стопом до Архангельска

Костер догорал. Еще немного и настанет время для картохи: зола почти созрела.

– Короче, еще в Суздале был. Про Суздаль рассказывал? Медовуха там – гадость отменная, – Родька затянулся и выпустил дым вверх, к невидимым звездам. Предутреннее небо затягивали серые облака.

– Туда тоже стопом? – Серый зевнул и покрепче завязал облезлый шарф на своей худой шее. Хоть и конец мая, а ночи пока были холодные.

– А как же! – глаза молодого автостопщика горели. – Только так, только так, Серый. Берешь рюкзачок, туда кружку-ложку, немного анальгина на всякий случай и никаких денег. Я так всё «Золотое кольцо» объездил...

– Да ты уж рассказывал. Мне Петька, ну «Триппер» который, на хлебозаводе со мной работает, говорит, что ты заливаешь много. Тебе бы только уши чужие, говорит... – мужчина в шарфе зевнул и улыбнулся. Ему, конечно, хотелось услышать очередную Родькину телегу – поэтому он его и подкалывал. Если его не подковырнуть, подробностей не дождешься, это уж проверено.

– Да пошел он, твой Триппер! Я тебе говорю: я только в прошлом году тыщи две намотал. Вот в Краснодар не попал, а так – везде был. Вот смотри тут какие правила: ловить тачку надо за постом ГАИ, потому что здесь, в городе, тебе только такси светит...

– Да какой у нас город... – перебил его Серый. – Сам знаешь: от хлебозавода отошел полтора километра, вот тебе весь город и вышел-кончился... Совашино, одним словом.

– Ага, – торопился Родька. – Плесни еще пивка, я тебе щас такого наговорю! Мы с тобой хоть завтра мотнем до Мурома! Хошь?

– Не-а. У меня завтра смена, забыл? Это ты – птица вольная. Ни кола ни двора, одна бабка – и то на ладан дышит.

– О-о, хорошее пивко... Я тебе глаголю, у хич-хайкеров правила простые: встретил другого стопера – иди дальше. Он встал на трассу первый, первый и сесть должен. Я помню: встретил Макса...

– Это кто такой?

– Да из Натальино он, ты его не знаешь. Ну вот встретил его там, за ГАИ, он тоже стопит. Ну я прошел дальше, и, прикинь, остановил дальнобоя – сотни четыре кэмэ с ним сделали. Мужик – золото! Всю жизнь мне свою расписал: и жена у него змеюка, и срок он отмотал под Чебоксарами где-то...

– Да ты лучше про этот год расскажи – где катался-то? В Суздале, говоришь, был?

– И в Суздале, и в Ростове, и в Ярославле. А в Переславле-Залеском музей утюга есть, слышал?

– Ну?

– Баранки гну. Был там я... Я вообще вон до Владика доехать хочу!

– Куда-куда? – Серый достал из сумки новую полторашку самого дешевого пива совашинского розлива.

– До Владивостока. Но это потом – на будущее. Этим летом, знаешь, какие у меня планы!..

– Ну?

– В Архангельск, в Северодвинск двину!

– На хера?

– Дядя у меня там работает, подлодки атомные ремонтирует. Погляжу всё это, понял? Своими глазами мощь страны увижу.

– Подлодки? – Серый уважительно поднял темные брови, в которых уже местами пробивались седины. – Ну-ка поподробнее с сего места.

– Пивка подлей – всё и узнаешь...

Утро в Совашино было мерзким – как всегда. Голова у Родьки раскалывалась, из ног словно кто-то вынул кости и напихал на их место мокрую вату. Они с Серым расстались у поворота к его двухэтажке. Сам же профи по автостопу поплелся к избе-развалюхе, где он жил с родной бабкой с раннего детства. Его мать допилась до зеленых чертиков лет десять назад, – да так и не восстановилась. Отца он никогда не видел: тот уехал в столицу еще до его рождения и «нашел там себе жену помоложе», как любила говорить его бабуся.

Ему пятнадцать дней назад стукнуло двадцать четыре. После школы, которую он дотянул с грехом пополам («скукотища смерт-

ная!»), он больше нигде не учился и не работал. Жили на бабкину пенсию в страшной нищете. На самом деле Родька никогда дальше Мурома не выбирался – и ездил туда за деньги, потому что не умел ни сто́пить, ни общаться с водителями.

Когда и как он толкнул свою первую телегу – он не помнил. Наверное, всё вышло само собой: компании собирались одни и те же, из развлечений – покатушки на мотоциклах да посиделки с пивком-водкой в центральном парке. А истории любили все. За истории могли и налить лишний раз, и дать затянуться.

О стопе он услышал от одного парня из Мурома, а потом Нина Петровна – училка-идиотка, которая всё норовила навязаться ему в матери, – подарила ему смартфон. На различных хич-хайкерских форумах можно было черпать истории бесконечно. Он даже затеял такую штуку: не выходил из избы-развалюхи неделю (запасался пивком, а потом расходовал его понемногу), на звонки не отвечал, а затем появлялся на совашинских тусовках – будто король, вернувшийся из дальних странствий.

– Родька! Где ты был, чё-орт? Врешь ведь! Не, чё: правда, что ли? Налейте Родьке, блин! Родька, давай дуй сюда-сюда, садись, рассказывай! – и он чувствовал себя на седьмом небе: ради этого стоило терпеть неделю в избе, чтобы потом вот так – как цыганочка с выходом – возвращаться в свет.

Однако Совашино – городок небольшой, скрывать правду получалось недолго. Его высмеяли, перестали верить и наливать. Не отвергли его лишь мужики с местного хлебозавода, да и то, наверно, потому, что помнили его мать, когда-то работавшую замом главного технолога. Он таскался по вечерам к заводу, словно на работу, – почти каждый день, потому в конце концов надоел и там.

И лишь Серый – Сергей Петрович, как его уважительно именовали на предприятии, инженер, золотые руки, мужик сорока лет и местный философ – его компании не чурался, наливал ему, платил за харч и – главное – любил слушать. Мало того: Родька понимал, не мог не понимать, что Петрович иногда даже верит его телегам. Хотя весь город знал, что никуда горе-автостопщик не ездит, а сидит в избе с полубезумной старухой и пьет чужое пиво.

– В Совашино много хороших людей, – любил говорить Серый в перерывах между телегами Родьки. – Ты погляди, как их много:

весь наш хлебозавод – какие типы, какие характеры! Чеховские или даже горьковские. Но, знаешь, какое у меня ощущение, Родька? Четкое такое ощущение... Что живут они все *вхо-ло-сту-ю*. Понимаешь ты, что значит жить вхолостую, а?

И Родька кивал и рассказывал про очередное путешествие, прочитанное на форумах. Затем пиво неизбежно заканчивалось, и они разбрелись в разные стороны. Так продолжалось до той самой ночи, которую они скоротали на даче Петровича – участке огороженной земли с сараем посередине, идеальном, кстати, месте для костра, обугленной картохи и Родькиных телег.

Он проснулся от громкого стука в заляпанное позапрошлогодовой грязью окно. В тусклой застекленной действительности Родька разглядел широкую спину Серого, повернувшегося к незапертой двери их избенки.

Это была и впрямь новость: Петрович никогда не заявлялся к своему собутыльнику домой. Да еще и утром! Разве он не на заводе должен быть сейчас?

– Да сѣдня же воскресеньѣ! – объявил Серый на пороге, словно прочитав мысли юного стопера. – А у меня к тебе дело есть, Родька. Бабка-то у тебя где? На огороде, что ли?

– Хрен ее знает. К подруге, может, поковыляла, – проворчал мастер по телегам. – Ты чего в такую рань? Башка раскалывается.

– Я знал, что ты на жисть жаловаться будешь, – Петрович выудил из черной сумки, перекинутой на плече, две темных пластиковые бутылки – литра по два каждая. – Это поможет?

Родька закивал и начал суетливо искать стул для дорогого гостя.

– Да ладно те, я на кровать сяду. Небогато, гляжу, живешь-то... Хлопнем по стаканчику совашинской бурды?

Они пили, болтали, но Родька чувствовал задницей, что этот утренний визит неспроста: Петрович явно что-то затеял, но пока упорно не говорил о причине своего утреннего визита.

– Скажи, Родька, ты когда точно собираешься в этот Архангельск свой, ну или как там? Северодвинск? – вдруг спросил Серый после того, как они ополовинили вторую бутылку. – Я полазил в Инете – это же берег Ледовитого океана, Белого моря! Подлодки там ремонтируют... А? В какую дату-то?

Молодой стопер в недоумении покосился на серьезное лицо собутыльника, и ему стало не по себе.

– Да не решил я еще... У автостопщиков ведь как: жестко ничего планировать нельзя. Примета даже такая есть: спланируешь что-то – ничего не выйдет. Надо ждать настроения...

– Настроения? – Петрович почесал подбородок. – Не, по настроению я не могу: мне надо знать заранее – заявление чтоб написать на отпуск.

– Отпуск? – Родька заерзал на неразобранной кровати, служившей им столом и диваном. – Это зачем?

– С тобой собираюсь, понимаешь? Растравил ты мне всю душеньку своими рассказами. А атомные подлодки настоящие, – так, чтобы не по телеку, – я, может, всю жизнь мечтал увидеть. И океан... Эх, Родька! Знал бы ты, что я сегодня ночью пережил...

Серый вдруг вскочил с кровати и стал ходить, как медведь-шатун, от окна к старой печке – и обратно.

– Вот расстались мы с тобой, поплелся я в свою серую квартирку на втором этаже, где жена дрыхнет и дети спят. Встал на пороге

и – заплакал! Понимаешь ты или нет? За-пла-кал! О жизни твоей и моей. И всех совашинцев. И даже за Муром всплакнул немного...

– А чего заплакал-то? – побледневший стопер осторожно поставил свою кружку и обтер тонкие губы пальцами.

– Не знаю, Родька. Тоска меня взяла! Уехать хочется. Но не совсем, а вот как ты – смотаться далеко куда-нибудь. Ехать и – говорить с водителями. Не о себе, не о Совашино и не о хлебозаводе, а о них, понимаешь? Вот чтобы они мне всю душу, всю судьбу свою выговорили, а я бы – переживал за них. А потом – море Белое. И подлодки атомные... И – ух-х! – Серый с размаху ударил раскрытой ладонью по облезлой стене печки – так, что показались новые кирпичные щели-складки.

– Смотри: тут надо на Вологду курс держать – я все онлайн-карты обшарил. От Совашино до Архангельска 1300 километров с копейками. Это всего ничего – с твоим-то опытом! – Серый тыкал короткими пальцами в экран старенького смартфона; глаза его горели от ожидания скорого счастья.

Они снова сидели на самодельных топчанчиках у костра на даче Петровича и пили совашинскую бурду. Прошло уже три или даже четыре недели с того памятного утра, как хлебозаводской инженер завалился в избу Родькиной бабуси. Они встречались после этого каждые выходные – и всякий раз говорили о подлодках, Белом море, Архангельске и Северодвинске.

– Родька, мы с тобой такое там сотворим, такое!.. – говорил Серый и хлопал юного стопера по плечу.

Сначала Родька хмурился, думал о будущем, размышлял, чем же это всё закончится. Но потом как-то привык: Петрович не жалел пива, соленой рыбы и орешков из маленьких цветастых пакетиков. На даче они, случалось, жарили шашлыки. О хлебе и говорить не надо – уж чего-чего, а этого добра в Совашино хватало. Они в деталях разрабатывали маршрут, определяли, где будут ночевать и что смотреть.

– Муром – не-е, даже останавливаться не будем! Чего мы там не видали? Вот Иваново – надо, и в Шую заедем. А в Ярославль хочешь? А вот, слышь-слышь, название-то, название – Унимерь и Заячий холм! Я тащусь! – хохотал совашинский инженер. – Обязательно остановимся там, да?

Родька отмалчивался по первоначальному, а потом и его затянуло.

– Да я там бывал! Круто-круто! Да там тачку застопить – как два пальца об асфальт. Да я тебе говорю! – они вместе гоготали, что-то записывали на обрывках газетной бумаги, которые затем незаметно исчезали в пляшущих языках костра. И пили пиво – оно уходило галлонами. Пластиковые бутылки улетали к дальнему забору дачи, где испокон веку располагалась «навозня» – это словечко выдумал сам Петрович.

Бледность вернулась на лицо юного хич-хайкера лишь однажды – когда Серый объявил, что ему-таки подписали отпуск с пятого августа.

– Едем уж шестого! Ага? А чё тянуть кота за хвост? Сели – и вперед. Ты, кстати, звонил своему дядьке в Северодвинск?

Родька неопределенно пожимал плечами – и этого было достаточно. Пятого августа? Когда это? Еще жить и жить до пятого августа! Может, оно и не наступит никогда. А если наступит – что с того? Как-нибудь образуется, что-нибудь случится и произойдет...

«Да его Маринка не отпустит! – утешал себя Родька в те ночи, когда ему не спалось. – Скажет: «Кудай-то ты собрался, Петрович? А я? А дети как же?». Но Серый, будто угадав его мысли, заявил как-то в середине июля, что Маринка даже рада.

– Говорит: «Отдохну от тебя и твоих пьяных выходов! Езжай на все четыре стороны!». Так что я свободен, как молодой бог!

И вот день, в который Родька отказывался верить, наступил. Вечером пятого августа его сотовый завибрировал, а потом оттуда зазвучал возбужденный и – самое страшное – совершенно трезвый голос Петровича:

– У тебя всё собрано, да? Ну я помню, ты сто раз говорил, что брать надо по минимуму, но трусы-то с носками надо, без бритвы – тоже нельзя! Ну и деньжонок взять – святое дело! Сувениры там купить, пожрать... Слушай, всё забываю, как называются те места, ну, квартиры, где ты ночуешь, когда стопом едешь?

Юный стопер замычал что-то, но счастливый голос в трубке тут же перебил его, застрочив, как из пулемета: «А, да-да-да-да, там же *вписки*. На тусовках будем зависать. Ты же рассказывал...». А потом после пятого августа неожиданно наступило шестое.

С утра было почему-то холодно. Родька, трезвый и злой, смотрел на спину Петровича, одетую в яркую оранжевую майку. На одном плече у инженера болтался большой походной рюкзак, доверху набитый самыми «нужными нужностями». Юный стопер шел за ним следом по обочине разбитой дороги, уводящей от родного Совашино. Серый был молчалив, и это пугало Родьку больше всего.

– Ну, ты где встаешь обычно? Тут или подальше?

– П-подальше, – заикаясь, проговорил хич-хайкер. Они постояли минут пятьдесят, смотря на то, как мимо пробегают разномастные автомобили. Становилось теплее. Днем, скорее всего, они сдохнут от жары.

– Может, пивка? – нарушил молчание Родька.

– Ты что?! – замотал головой Петрович. – Ты же сам говорил: если от нас пахнуть будет – кто же нас возьмет на борт? Это вечером, когда вписка первая будет. До Иваново доберемся сегодня, как думаешь? Или – как повезёт?

Стопер кивал в ответ. Постояли еще сорок минут.

– Уф! – совашинский инженер присел на свой большой рюкзак. – Слушай, а может, ты сигналишь им неправильно? Как-то по-другому надо?

Родька списал всё на неудачный участок дороги:

– Да и вдвоем мы – ведь два мужика. Многие опасаются останавливаться. Вот если бы девушка с парнем – другое дело. Надо за Муромом попытаться...

В итоге сели на проходящий рейсовый. Через два с половиной часа они стояли на ивановской трассе на выезде из Мурома.

– Жарко, – жаловался старший стопер. Его оранжевая майка потемнела в подмышках, глаза затуманила дорожная даль. – Вот про что мы с тобой не допетрили: пожрать надо было в Муроме. Там же столовые хорошие. А теперь – всухомятку трескать будем. Ладно я хоть запасся.

Они побрели в сторону небольшой березовой рощи, зеленеющей метрах в ста от обочины. Там расположились на обед. Серый порезал кусками вареную колбасу, пополовинил помидоры, присыпал всё это «соличкой». Родька взял свою долю и принялся молча жевать, поглядывая в сторону проносящихся авто.

– Ты вообще хоть раз в жизни стопом-то катался? Только честно, Родька? А? – спросил Петрович после того, как дожевал второй бутерброд. Говорил он спокойно и как-то буднично.

Молодой автостопщик промолчал.

– Я так и думал, – сделал вывод хлебозаводской инженер и, вздохнув, начал упаковывать рюкзак. – А дядька северодвинский – он-то хоть настоящий? Или тоже выдуманный?

– Дядька – настоящий! – огрызнулся Родька и пошел к обочине. Ему хотелось пива и плакать. Заночевали в Муроме у родственников Петровича.

Родька, честно говоря, не помнил, как это получилось в первый раз: вышло само собой. У Пашки «станционного» – автомеханика с хлебозавода – был день варенья. Юный стопер затесался в компанию случайно: кто-то позвал его по пьяни. Выпили и закусили. Затем еще выпили.

– Родька! – крикнул грузчик Стас. – Расскажи: где в этом году был? Ну автостопом своим! А?

Кто-то загоготал с задних рядов, и Родьке поднесли рюмочку.

– В Архангельске! – вдруг выговорил его язык, и слова посыпались одно за другим. – Про Белое море слышали? Там городок такой есть – Северодвинск. И вот я туда катался – подлодки ядерные видел...

– Ну хватит заливать-то! – недовольно произнес чей-то голос слева; стопер обернулся и увидел насмешливые глаза Петьки-Триппера. – Чё на это дерьмо время тратить? Не ездил он никуда! Сидит со своей бабкой целыми днями...

– Ездил! И я с ним был – стопом до Архангельска ездили, – все обернулись на стоявшего в дверях подсобки Серого. От него ждали продолжения, но он молчал.

– Вот и я говорю: в Северодвинске были! – торопливо подхватил Родька. – У меня там дядя работает – ремонтом занимается. А подлодки там – жуть! С пятиэтажный дом – это только в высоту...

И пока юный стопер толкал свою телегу, инженер курил, из-под бровей поглядывая на говорившего. Родьку слушали внимательно, в редкой для такой компании тишине. Потом выпили не чокаясь. А затем беседа потекла дальше: говорили и подлодках, и о былой

мощи развалившегося Союза, и о совашинском пиве. Хлебозавод погружался в ночь, тусклые фонари освещали цеха и стоявшие у ворот две «ГАЗели», на которых завтра утром будут развозить еще горячий хлеб по окрестным магазинам.

И было уже не важно, есть ли на самом деле берег Белого моря и дядька с ядерными подлодками. «Кому какое дело? – думал Петрович, доставая еще одну сигарету. – Кому какое дело до всего этого?».

Он вышел на темный хлебозаводской двор и долго смотрел на звезды – пока их не затянули ночные облака. Он вдруг представил, что поднимается вверх – над крышами завода, обочинами центральной дороги и над самим Совашино. Всё дальше и дальше – в ту высоту, откуда можно было увидеть и Муром, и Шую, и даже Архангельск. Он часто так делал в детстве, но потом разучился – забыл...

«Кому какое дело?» – спросил еще раз Петрович. И, не ответив, пошел в подсобку – на старое место.